

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ах ты, мерзкое стекло!

Одни говорят, пришло время циников, другие мягко их поправляют, не циников, а реалистов. В любом случае это мое время, хотя бы потому, что я с детства ненавижу сказки. Тем более меня на примере сказочных героев воспитывали, а я этого терпеть не могу, я ведь взрослая девочка, мне даже кажется, что в семь лет я уже была гораздо взрослее и умнее своей мамы. Ведь она училась жизни по книжкам, а я с самого раннего детства понимала: намного ценнее собственный жизненный опыт.

Так, уже с первого класса я поняла: определяющим в среднем балле школьного аттестата является место работы родителей, и перестала переживать по поводу плохих оценок. Поскольку я росла без отца, а моя мама не подвизалась в торговле (в советское время хорошие вещи можно было заиметь только «по блату»), то и золотой медали мне не могло достаться по определению. Я это поняла и успокоилась. А вот мама принимала

все за чистую монету, и то, что единственная дочка завмага круглая отличница, казалось ей естественным. Ее она хвалила и называла «хорошей девочкой», а меня ругала за плохие оценки. Меня так и подмывало сказать:

— Ты бы хоть раз подарила моему классному руководителю что-нибудь кроме открытки со своими стихами, и проблема была бы решена.

Вместо этого ровно в восемь часов вечера мама брала в руки толстенную книгу и каким-то вымученным голосом, низким и многозначительным, говорила:

— Сейчас, Зинаида, мы с тобой будем читать сказку.

Это звучало так торжественно, будто бы я была Золушкой и меня уже приглашают на бал. Добрая фея в лице моей мамы обещает мне сияющее, как хрустальная туфелька, счастье. А мне, честное слово, ехать туда не хотелось, на этот бал. Ну, не хотелось, и все тут. Потому что мне не нравился принц. Мне нравился король. Я сразу поняла, что в любой сказке он главный. Но король бедняжку Золушку почему-то не замечал, а из всех сил подсовывал ее своему дефективному сыночку, ибо как еще назвать парня, который искал жену по размеру ноги? Со зрением у него точно было не в порядке, раз он не узнал девушку, с которой протанцевал весь вечер. Однажды я не выдержала и спросила:

— Мам, а почему принц не носил очки? Разве его папа-король не мог его заставить? Вот ты же заставляешь меня есть манную кашу с комочками, хотя я ее терпеть не могу, особенно комочки!

— Очки, какие очки? — озадаченно спросила мама, оторвавшись, наконец, от книжки.

— А зачем мерить туфлю, чтобы понять, та это девушка или не та? Значит, принц ее не разглядел как следует, когда танцевал с ней на балу. А все почему? Потому что он был сильно близорукий и не носил очки! Не напился же он, как Алькин папа, который наутро совсем не помнит, что натворил вчера? Принц он что — тоже пьяница? Я такого мужа не хочу! Алькины родители все время ссорятся и дерутся!

— Зина, как можно? — всплеснула руками мама. — Это же сказка!

— Но если мне не понятно, почему я не могу спросить?

— Ты... ты не ребенок! Ты чудовище! — и мама расплакалась.

Больше я таких вопросов не задавала. Чудовище так чудовище. Лучше уж я буду чудовищем, чем такой, как эта противная дочка завмага, врушка и зазнавака. А по словам моей мамы — «хорошая добрая девочка». Уж я-то знаю, какая она добрая! Лопает свои бутерброды с икрой тайком, запершись в туалете, чтобы никто не попросил: ну, дай хоть разок укусить! Остальные-то икру

в глаза не видели, как же, дефицит! Как ее только не стошнит, эту противную девчонку! И еще я знаю, что математичка исправляет ей синей ручкой ошибки в контрольных работах, чтобы вытянуть на медаль, а потом бежит к ее «доброй» мамочке в подсобку за дефицитными финскими сапогами. И все это знают, вся школа. Но скажи об этом моей маме, она опять начнет мне выговаривать:

— Как можно, Зинаида, так плохо думать о людях?! Ты просто чудовище!

А что тут думать? Все и так очевидно, и все, кроме моей мамы, это понимают. А она как инопланетянка. Но я-то на ее сказочной планете псевдохороших людей жить не хочу. Я хочу жить в реальном мире.

Что же касается так обожаемой всеми девчонками сказки о Золушке, я почему-то уверена, что, когда король умер, в стране произошла революция, и законный наследник, лишенный всего, отправился прямиком в ссылку. Вместе с бедняжкой Золушкой, которая, слава богу, с детства была готова к лишениям. Мудрый король прекрасно это понимал, не случайно же он выбрал ее из десятков претенденток в жены принцу, хотя она и была бесприданницей. В мире ничего не происходит просто так. Лично я не верю в случайности.

Мне было всего пять лет (именно с этого возраста я себя помню), когда я четко усвоила: что написано пером, не вырубишь топором. Я, стараясь не зевать, томилась

в огромном старом кресле, а мама, которая сидела в кресле напротив, торжественным голосом читала мне очередную сказку. Ее кресло было точь-в-точь такое же, как мое, но оно не казалось огромным, когда в нем сидела мама, потому что мама была высокой и грузной. Каждый день, ровно в восемь часов вечера меня начинали воспитывать. Педагогический опыт моей родительницы, почерпнутый из книжек, говорил, что лучше всего это делать на примере сказочных персонажей. Сама она работала в библиотеке и свято верила в силу печатного слова.

— «Сказка о мертвой царевне», — торжественно объявляла она, и я пыталась подсчитать, в который же раз я ее услышу, эту сказку? Поскольку считать я тогда умела лишь до десяти, то вывод мой был таков: в десятый раз по десять. Разумеется, это преувеличение, чтобы вы могли представить, насколько же мне все это осточертело еще в возрасте пяти лет. А мама вовсе не собиралась останавливаться на достигнутом. Книг у нее в библиотеке было полно.

Все случилось из-за нее. Из-за этих проклятых сказок. Когда я начинала капризничать, мама строго спрашивала меня:

— Что случилось, Зинаида?

— Скучно.

— Как это может быть скучно? — удивлялась она.

— Ведь это же все неправда! Так не бывает!

— Сказка ложь, да в ней намек, — многозначительно говорила мама.

Это из-за нее я стала воспринимать все, без исключения, сказки, и авторские, и русские народные, как руководство к действию. Или инструкцию по эксплуатации.

Как вам это?

Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам! *(восклицательный знак лично от меня)*

Говорила же мне мама, что у Пушкина есть ответы на все вопросы, а я в этом еще сомневалась! И напрасно! В безвыходной ситуации я открыла книгу его сказок и все, что мне надо, там нашла.

Но обо всем по порядку. Первые мои слезы были по поводу Василисы Премудрой. Когда я поняла, что другого конца у этой сказки не будет. Что Василиса так и выйдет замуж за Иванушку, а Кощей умрет. Лично мне в этой сказке больше всех понравился Кощей. Ох, как же он был мне симпатичен! Мне хотелось, чтобы он был счастлив, женился бы на Василисе, и она бы тоже стала бессмертной. Вот кого я, убей, не понимала! Она же такая умная, да к тому же волшебница. Охота ей связываться с простым смертным? То ли дело Кощей! Сундуки полны золота и бриллиантов, вся мебель импортная, та самая, на которую в магазине очередь размером в сто

лет. Прислуги у него — полон дом, даже баба Яга, знатная гадалка! А как он любит Василису? Вот за что его убили? За то, что любил? Но он же не виноват, что полюбил именно Василису! И сначала он ее добивался по-честному: предложил замуж. А уж когда она отказала, превратил в лягушку, чтобы никому не досталась. Какая же она Премудрая, если вышла за Иванушку? Уверена, что она об этом сто раз пожалела. Вот я бы своего шанса не упустила, выбрала бы Кощея.

Зигмунд Фрейд легко бы объяснил мою особую симпатию к мужчинам, которые мне в отцы годятся. Комплексом Электры или какой-нибудь другой психической болезнью. Но не будем вдаваться в дебри психиатрии. Нас ждет история гораздо интереснее.

По факту.

Лично я поступила с точностью до наоборот, когда пришло мое время выходить замуж, хотя у меня тоже был свой Иванушка. А точнее, у меня их было двое, Иванушка и Иван Иванович. Двое женихов. О! Я хорошо усвоила урок! Хотя мама мне говорила:

— Зинаида, ты сошла с ума! Ты еще девочка, а Иван Иванович взрослый опытный мужчина. То ли дело Ванечка. По-моему вы с ним отличная пара.

Но я так не считала. Я была счастлива, что Иван Иванович обратил внимание именно на меня, и вовсе не собиралась превращаться

в лягушку. Он был очень удивлен, когда я ответила согласием.

— Не ожидал в вас, Зиночка, такой житейской мудрости. Ведь вы совсем еще девочка.

Это я потому мудрая, милый, что в детстве мне читали сказки. И я извлекла из прочитанного урок. И потом: мне он в самом деле нравился гораздо больше, чем Ванечка. Мне его было жалко, Иван Иваныча, ведь он был такой одинокий в свои сорок пять лет, такой, как мне тогда казалось, несчастный. Я распахнула для него свое сердце и дверь в свою спальню. Он стал моим первым мужчиной и очень этому удивился и обрадовался. Я же осуществила свою мечту: исправила сказку, написав ее конец по-своему. Кощей получил достойную награду за свою любовь. А я получила в одном флаконе мужа и отца, которого мне так не хватало в детстве. Кто скажет, что два в одном это плохо?

В своем выборе я не ошиблась. Еще в советские времена, которые все теперь вспоминают с благословенной грустью, у Ивана Иваныча все было: большая московская квартира, хорошая машина, двухэтажная дача. Но по-настоящему он развернулся после того, как партийная номенклатура поделила между собой народное достояние: фабрики, заводы, шахты, нефтяные скважины, лесные угодья и т.д. Народу раздали бумажки со словами: «Вот вам каждому по Волге». Имелась в виду машина Волга, за-

ветная мечта каждого советского человека, условная стоимость которой и значилась на бумажке: 10 000 рублей. Как вы сами понимаете, в стране тогда не было столько машин, сколько этих бумажек. В итоге самые предприимчивые поменяли свою Волгу на бутылку водки, чтобы поскорее забыть об этом кошмаре, а глупцы вложили несуществующую машину в такие же мифические инвестиционные фонды, которые вскоре после этого испарились. И «пайщикам» пришлось взглянуть на все трезвыми глазами, признав собственную глупость. Так в стране произошло массовое ограбление простого народа, которое деликатно называли приватизацией.

Мой Иван Иванович был среди тех, кто прекрасно понимал истинную стоимость вачера. И знал, для чего это все затеяли. Олигархом он не стал, но стал почти олигархом. Или, как еще говорят, ООМ. (Очень обеспеченный мужчина). Он приватизировал завод, директором которого на тот момент являлся, и тут же сделался Председателем Правления Совета Директоров. Короче, захватил контрольный пакет акций. А я стала гендиректором ООМ. Приватизировала Иван Ивановича вместе с его очками, лысиной и брендовыми пиджаками, захватив контрольный пакет акций на все его чувства в полном их объеме. И мы зажили душа в душу, я с ним, а он со своим заводом.

У него всегда все было хорошо. У меня тоже все было хорошо. Как вы сами пони-

маете, я ни дня не работала. Не было необходимости. На мне лежали обязанности хозяйки большого дома. Иван Иванович зарабатывал миллионы, а я принимала в доме людей, которые ему в этом помогали. И все они были довольны. Хотите — верьте, хотите — нет, но я ему не изменяла, своему Ивану Ивановичу. Об этом в сказках ничего не было, ни в русских народных, ни у Пушкина. О любовниках. Двадцать четыре года у нас с мужем все было хорошо, а потом...

Сначала я подумала, что на стекле появились мелкие трещинки. Я имею в виду зеркало, которое всегда было моим лучшим другом. Я даже разговаривала с ним.

— *Я ль, скажи мне, всех милее?*

И оно, улыбаясь, кивало.

У меня и детей потому нет. Жаль было портить такую красоту, ибо я на самом деле, хороша необыкновенно. Как только я представляла, что это прекрасное тело, истинное совершенство, будет обезображено огромным животом... О нет! И еще сто раз нет!

И вот зеркало, которое всегда было мне лучшим другом, начало дурить. Как я уже сказала, сначала я подумала, что это от старости. От его старости. Оказалось, что от моей. На фигуре возрастные изменения мало сказались, я по-прежнему была стройна, но вот лицо...

Со мной перестали знакомиться на улице. Раньше и дня не проходило, чтобы какой-нибудь мужчина не подскочил и не открыл пе-

редо мной дверь. Я даже не замечала всех тех мелких знаков внимания, которые оказывал противоположный пол моей красоте. Потому что их было так много, этих знаков, что замечать, право слово, так и жизнь мимо пройдет. А мне очень нравилась моя жизнь. Точнее, ее радости, коих у меня, благодаря Иван Иванычу, было много.

Я чуть ли не каждый день слышала:

— Девушка, а можно ваш телефончик?

Мне всегда казалось, что мир вращается вокруг меня. Потому что мужчины столбенили, едва я появлялась на горизонте. Бог дал мне такую фигуру, что она могла бы запросто украсить какой-нибудь музей, изваяв меня из мрамора известный скульптор.

Но однажды я услышала:

— Женщина, здесь парковаться нельзя.

Сначала я ушам своим не поверила. Парень в жилете ядовитого лимонного цвета запрещал мне, красавице, парковаться там, где я хочу, да еще и назвал меня женщиной! До сих пор ко мне обращались исключительно «девушка». Я подумала, что он меня не разглядел как следует, и до упора опустила запывлившееся стекло. Сказала с улыбкой:

— Извините, я не расслышала.

— Я сказал, женщина, что здесь не место для парковки, — зло ответил он. — Проезжайте мимо. А если вы глухая — обратитесь к врачу!

Это было в первый раз, когда мне нахамили. То есть, женщины хамили мне

